

ОТЗЫВ
официального оппонента на диссертацию
Светланы Георгиевны Тамбовцевой
на тему «**Религиозный фольклор духоборцев: история и ритуальный контекст**»
по специальности 10.01.09 – Фольклористика
на соискание ученой степени кандидата филологических наук

Представленная на соискание диссертация посвящена очень интересной и актуальной теме, связанной с изучением истории и современности религиозного фольклора одной из самых известных христианских русскоязычных групп – духоборов/духоборцев. Исследование культуры духоборцев, с одной стороны, испытало влияние всех политических волн в истории России, с другой – на каждой из этих волн удивительным образом не уходило из поля зрения ученых. Богатая история изучения культуры духоборцев отнюдь не означает, что тема, которую выбрала соискательница, исчерпана. Наоборот, Светлана Георгиевна Тамбовцева в своей работе ставит цель, не обозначенную никем из предшественников, - описать «формирование и бытование духоборческой традиции» на примере трансформирующегося на протяжении двух с половиной столетий религиозного фольклора группы. При этом фольклор понимается автором не просто как набор жанров и текстов, но как социальный и политический ресурс эпохи модернизма. Традиция духоборцев развивалась в разных исторических и социальных обстоятельствах, испытывала влияние соседних этносов, политический событий, господствующих художественных стилей и эмоциональных доминант. Достижение поставленной автором цели описания динамического и трансформирующегося объекта – религиозного фольклора – требует от автора широкого научного кругозора и умения создать особые методологические рамки, адекватные объекту. Представленное к рецензированию исследование изоморфно динамическому предмету – оно движется вслед за обстоятельствами и событиями жизни группы. Новизна подхода отражена в инновационной архитектуре диссертации.

Непривычно объемное Введение занимает четверть работы. В нем подробно описаны историографическая, теоретическая и методологическая рамки работы. Во Введение включен Духоборческий словарь, описывающий основные категории духоборческой культуры и истории религиозной группы, список сокращений и Благодарности коллегам и, что особенно ценно, информантам. С одной стороны, мне было бы привычнее видеть список сокращений и словарь в качестве приложений, с другой, словарь действительно помогает дальнейшему чтению, так что возможно, его расположение в середине работы вполне обосновано. Введение, как и главы основной части, очень логично разбито на разделы и подразделы. Структура исследования представляется вполне удачной.

Основная часть состоит из трех глав, которые посвящены фольклору трех этапов истории духоборцев. Первая глава описывает формирование традиции духоборцев со второй половины XVIII в. до второй половины XIX века, фокусируя внимание на жанрах псалмов, стишков, паролей и легенды. Во второй главе объектом внимания становятся особенности фольклора вынужденных эмигрировать в Канаду групп духоборцев. Третья глава написана на основе собственных полевых материалов автора и посвящена современному фольклору духоборцев, проживающих в деревнях Грузии и России (в Тамбовской, Брянской и Тульской областях).

Представленная на соискание диссертация снабжена серьезным научным аппаратом: подробным описанием архивных источников, состоящем из 149 архивных дел, списком литературы из 272 пунктов – 199 отечественных изданий и 73 иностранных.

Кратко охарактеризую содержание работы и ее основные положения.

Первый раздел Введения содержит общие сведения об истории духоборов, начиная со второй половины XVIII века до наших дней, что способствует пониманию базовых понятий и категорий культуры группы. Следующий раздел Введения посвящен истории изучения духоборческой культуры. Светлана Георгиевна отмечает, что авторы, изучавшие культуру духоборцев в XIX веке, создали стигматизированную категорию «сектантства» как части дискурса власти и

господствующей религии. Автор старается избегать нормирующего и стигматизирующего дискурса, поэтому отдельно описывает историю номинаций исследуемой группы. В начале XX века благодаря громкому общественному резонансу преследования духоборцев за их пацифистскую позицию (и выступление в их защиту видных деятелей русской культуры и прежде всего Л.Н. Толстого) появились исследования, освободившиеся от осуждающей оптики. В период бегства от преследований культура духоборцев стала предметом изучения профессионального этнографа В. Д. Бонч-Бруевича, собравшего и опубликовавшего основной корпус духоборческих фольклорных жанров (псалмов, легенд, паролей), их описаний и бесед, который известен под названием «Животная книга». Несмотря на живой интерес ученых к диссидентским религиозным группам в начале советской истории, к середине XX века на территории СССР этнография и фольклористика избегали всех тем, связанных с религией. Исключение составили работы А. И. Клибанова, который в духе времени рассматривал низовые религиозные движения как форму «антифеодального протesta». Несмотря на тенденциозность подхода, эта методология продолжает предложенную фольклористом К. В. Чистовым линию социально-утопической интерпретации внеинституциональных тенденций в религиозной культуре русского сектантства. Кроме того она отвечает концептуальной рамке низового сопротивления, предложенной Джеймсом Скоттом (ср., например, с его концепцией оружия слабых). В середине XX века духоборцев успешно изучали в Канаде, на месте их проживания после переселения в начале XX в.. В постсоветский период историки, фольклористы, этнолингвисты (А.Л. Львов, С.А. Иникова, С.Е. Никитина) изучали культуру духоборцев как представителей диссидентских религиозных групп, сохранивших богатый устный фольклор.

Наибольший интерес, на наш взгляд, во Введении представляет характеристика фольклористических теоретико-методологических подходов, адекватных динамическому характеру предмета исследования, а именно – религиозному фольклору в процессе его производства. Светлана Георгиевна выбирает в качестве

таковых формульный подход Г.И. Мальцева и концепцию социально-утопических легенд К.В. Чистова. Соискательница рассматривает духоборчество как элемент религиозных процессов модернизирующихся обществ через оптику их текстуальности. Междисциплинарный характер методологического подхода на наш взгляд является сильной стороной исследования. Автор обоснованно и аккуратно соединяет понятие традиции, взятое из работы Г.И. Мальцева, с понятием «текстуальных сообществ» Б. Стока и критически осмысленным Джеймсом Капало термином «народная религия». Концепция Д. Капало с опорой на теоретические положения Пьера Бурдье предполагает модель, построенную не на оппозиции, а на отношениях различных акторов внутри поля практик народной религии. Такой подход как нельзя более подходит динамическому характеру «религиозного фольклора», постоянно трансформирующегося на протяжении своей истории сообщества духоборов. Понятие «религиозного фольклора» дает возможность автору достаточно убедительно объединить взгляд на традицию извне и изнутри (духоборцы определяют традицию как «веру» и «закон»). Еще одним методологическим базисом автор выбрала категорию легенды, но не как отдельного жанра несказочного фольклора. Вслед за К.В. Чистовым Светлана Георгиевна понимает легенду как наджанровое явление — динамическую систему нарративных стратегий и конвенций.

Особую ценность представляет грамотно созданная источниковая база исследования. Она состоит как из уже опубликованных материалов (классических и периферийных собраний), так и из вводимого автором в научный оборот серьезного корпуса архивных данных и собственных полевых записей автора. Полевые исследования автор проводила в режиме полуструктурированных интервью и включенного наблюдения в ходе четырех экспедиций 2016 – 2021 гг.

Во Введении автор представила сложность, многомерность и многозначность предмета своего исследования, а также предложила адекватную ему теоретическую модель его изучения. Итак, автор ставит цель — «предложить версию формирования и бытования религиозного фольклора духоборцев, определить

область его функционирования и связь с социальным взаимодействием и трансформацией традиции» (С.40). Среди прочих автор решает задачи, во-первых, определить источники духоборческих религиозных практик, во-вторых, проследить трансформацию саморепрезентации традиции на разных этапах ее истории, в-третьих, рассмотреть характерные для каждого из рассматриваемых периодов практики грамотности и режимы взаимодействия духоборческого фольклора с письменной культурой.

Первая глава диссертационной работы «Духоборцы от сотворения мира до конца света: духоборческие легенды и имперская политика России Нового времени» посвящена текстуальной культуре духоборцев на стадии оформления его течений со второй половины XVIII в., а также в период существования молочноводской общины с начала до середины XIX в.. Первый раздел главы посвящен социальному и культурному контексту формирования духовного христианства на примере тесного сосуществования мордовской и русской (однодворческой) традиций. Взаимовлияние выразилось, по мнению автора диссертации, в бытовании гибридных форм социально-утопической легенды с сюжетом об уходящем в небеса мудром правителе, своеобразной духоборческой интерпретации мордовской легенды о Тюштя. Во втором разделе рассмотрены особенности концепции мученичества у духоборцев, которая объединяет господствующую и диссидентствующую церкви. На наш взгляд, особенно интересным является третий раздел главы, в котором подробно описано оформление корпуса духоборческих текстов, состоящего из псалмов, пародийного катехизиса и ритуализованных формул-паролей. Светлана Георгиевна рассматривает функционирование произведений этих трех жанров в духоборческом обиходе как неотъемлемую часть легенды — общего знания общины единоверцев.

Вторая глава диссертации «Мирная марсельеза: духоборческое движение и имперская модернизация» посвящена духоборческому движению и фольклорной традиции духоборцев, эмигрировавших в Канаду на рубеже XIX–XX вв. Драматические события, предшествующие эмиграции, способствовали

апроприации толстовского и революционного дискурса в виде новых формул в духоборческом наивном творчестве. Новые культурные формы работали на потребность духоборческих общин в рефлексии драматического периода раскола общины на большую и малую половины, преследований большой половины (последователей П. Веригина), бегства последних и их адаптации в Канаде. Канадские духоборческие певческие практики освоили политические и идеологические песни в своей ритуальной культуре. Исследовательница выбрала в качестве объяснительной модели концепцию национального, доказывая, что выбранные духоборцами песни можно считать своеобразным пропуском в воображаемое сообщество нации.

Третья глава диссертации, «Географическая и религиозная миграция современных духоборцев», написана на основе полевых материалов автора. Анализируя Пророчества, бытующие в среде современных духоборцев, автор возвращается к концепции легенды, доказывая, что они представляют собой «свернутые» в формулы легенды. Современную наивную поэзию и песенный репертуар сообщества объединяет, по мнению автора, общий пафос ностальгической эсхатологии, близкой к концепции ностальгии И. Сандмирской. Третий раздел главы посвящен адаптации духоборческой языковой игры в русле постсоветской «любительской лингвистики».

Предпринятый автором анализ отдельных жанров и наджанровых образований на разных этапах характеризует различные стратегии взаимодействия с текстовыми инновациями.

В аналитической части работы Светлана Георгиевна обращается к современной литературе по теме исследования, но при этом не игнорирует классические фольклористические работы, демонстрируя свободное владение теоретическими моделями и концепциями. Изредка концепции налагаются друг на друга, создавая непрозрачные зоны в интерпретациях, при этом общая логика теряется за обсуждением отдельных, безусловно крайне интересных вопросов, но эти эпизоды единичны. В основном автор легко вступает в творческий диалог с

предшественниками, уточняет их схемы для своих данных, делает интересные наблюдения и заключения. Количество найденного, собранного, проанализированного и осмысленного соискательницей материала вызывает искреннее уважение к ее широкому профессиональному кругозору.

Перейду к вопросам, связанным с использованием в работе различных терминов и понятий

1. В ходе анализа отдельных культурных феноменов духоборцев автор регулярно обращает внимание на свойственный им иконический характер семиотизации. Говоря о самозванстве как дискурсивной и поведенческой стратегии в культуре духоборцев, автор говорит об «оппортунистичном неразличении» знака и его объекта (С.74). На с. 99 речь идет о духоборских приветственных формулах как особого рода «паролях», при этом автор указывает, что «подобные перформативы становятся иконической репрезентацией сообщества и приписываются лингвистическим характеристикам способность «отражать <...> сущность социальной группы». На с. 180 Светлана Георгиевна цитирует фразу И. Сандромирской об «иконичности языка нации» в отношении анализируемых деревенских песен и стихов современных духоборцев, в которых сочетается «образ России как фантомной исторической родины — и столь же эфемерной, ушедшей в прошлое малой родины — Духобории». Поскольку указание на иконический характер семиотизации в духоборческом фольклоре неоднократно повторяется в исследовательских выводах, то хотелось бы узнать, о чем свидетельствуют процесс иконической семиотизации в традиции духоборцев и что он значит для самой традиции?

2. На мой взгляд уточнений требует и регулярно используемый в работе термин «перформатив», а также «перформативность» и «перформантивный», которые в аналитической части работы встречаются 17 раз в характеристиках разнообразных сюжетов и явлений. Справедливо ради стоит заметить, что на с. 38 Светлана Георгиевна посвящает понятию перформативности небольшой абзац, ссылаясь на

работы Д. Остина, американской исполнительски-ориентированной школы фольклористики (performance-centered school) и «Прагматику фольклора» С.Б. Адоньевой. В диссертации в некоторых случаях речь идет о перформативах в остиновском понимании (в эпизоде о самозванстве на с. 189, об антиповедении на с. 69, духоборческом «законе» как хрестоматийном перформативе на с. 87, духоборческой формуле «слово и дело» как своего рода перформативном донесении царю о государственной измене на с. 80), в других – о перformatивности как публичном исполнении/представлении (о ритуальном перформансе 1909 г. на стр. 150, о «самозванстве, как и о самоназвании», на с. 84). Автор диссертации, на наш взгляд, недостаточно последовательно разводит в аналитической части три аспекта значения термина в фольклористике, на которые указывал Ричард Бауман, (один из представителей той самой performance-centered school): (1) поэтика взаимодействия лицом к лицу; (2) социальная организация и символические структуры публичных «культурных представлений»; (3) формирующие и преобразующие эффекты опосредованной коммуникации (Richard Bauman American folklore studies and social transformation: A performance-centered perspective In: Text and Performance Quarterly, Vol.9, 1989, Issue 3, PP 175-184)). Читателю остается гадать, как определение перformatивности характеризует духоборческую культуру? Какие именно изменения социальной реальности происходят? В каких случаях речь идет о структурах публичных «культурных представлений», а в каких – «о поэтике взаимодействия» и о преобразующих эффектах?

3. Напоследок отметим некоторую неровность языка исследования. В основном диссертация написана очень хорошим академическим стилем. Однако, встречаются эпизоды, где частые указательные местоимения (такой, таковой) и прилагательные затрудняют и без того сложный синтаксис. Впрочем, это замечание вполне можно отнести по части стилистических и вкусовых предпочтений читателя. В остальном оформление диссертации ясное, четкое и последовательное.

Заданные вопросы и высказанные замечания не являются критическими и никак не умаляют достоинств представленной к оппонированию диссертации, которая несомненно является самостоятельным, завершенным и оригинальным исследованием, полностью соответствующим критериям, установленным Положением о порядке присуждения ученых степеней. Исследовательские задачи, поставленные автором, были выполнены, а исключительно удачно выбранная тема, заявленная в названии, полностью раскрыта.

Таким образом, диссертация Светланы Георгиевны Тамбовцевой является научно-квалификационной работой, в которой содержится решение задачи описания динамического объекта устной традиции – религиозного фольклора духоборцев. Предложенный автором новый подход к изучению духоборчества может оказаться перспективным для дальнейших исследований текстоцентрических проектов модерности, что имеет важное значение для развития фольклористики. Предпринятое Светланой Георгиевной Тамбовцевой исследование полностью соответствует требованиям п. 9 «Положения о порядке присуждения ученых степеней», утвержденного постановлением Правительства Российской Федерации от 24.09.2013 г. № 842, предъявляемым к диссертациям на соискание ученой степени кандидата наук, а ее автор несомненно заслуживает присуждения искомой ученой степени.

Официальный оппонент,
Кандидат филологических наук, доцент,
доцент кафедры истории русской литературы СПбГУ,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 11
8-812-3252894,
i.veselova@spbu.ru
veselinna@mail.ru

(подпись)

/ И.С. Веселова /
(расшифровка подписи)

Дата « ____ » августа 2022 г.

Печать организации

ПОДПИСЬ РУКИ
Веселова И.С.
УДОСТОВЕРЯЮ

26.08.2022